

Ирина Седакова, Александр Новик, Александра Дугушина

Праздничная урбанистика: теория и практика, традиция и креатив

В обзорной статье анализируется многоаспектная научная проблематика междисциплинарного изучения городских ритуалов на основе докладов и дискуссий одноименной международной конференции рабочей группы «Ритуальный год» в Бухаресте. Исследование праздничной урбанистики выявляет ожидаемые (трансформация ритуального календаря, семиотика городского ландшафта, оппозиция светских и религиозных фестивалей) и неожиданные аспекты (телесность, сенсорика). Состоявшаяся конференция показала динамику фестивалей в мегаполисах, крупных и малых городах, разнообразие содержания и локусов проведения праздников, основные тенденции в их развитии в самых разных странах Европы, США и Азии. Важной научной темой в антропологии последних десятилетий являются участие мигрантов в культурной и традиционной жизни новых мест проживания и влияние приезжих на аутентичные обычаи. Стремление к национальной самоидентификации и при этом встроенность в глобализованный календарь, увлечение визуальностью и красочностью, растущая роль внимания к сенсорике и телу — все это стало предметом подробного обсуждения в научных сообщениях и беседах. Особенно отчетливо звучала тема усиления связи содержания и формы городского обрядового комплекса с идеологией, локальным брендингом и коммерцией. Традиция и коммерция были избраны в качестве основной темы XIV международной конференции рабочей группы «Ритуальный год», которая пройдет в Риге в июне 2020 г., во время ежегодной народной ярмарки.

Ключевые слова: урбанистика, гендерные исследования, праздники, народная религиозность, фэйкнаука, календарные обряды, телесные ритуалы.

Городская обрядность: история, современное состояние и перспективы

Очередная научная встреча рабочей группы «Ритуальный год» при Международном обществе этнологии и фольклора (SIEF) была посвящена обсуждению городских ритуалов и множества смежных тем. Конференция «Городские ритуалы» состоялась в Бухаресте 7–9 ноября 2018 г., ее организовал Институт социологии при участии Института этнографии и фольклора и Института изучения Юго-Восточной Европы Румынской академии. Главным мотором конференции была Ирина Сталь, ученый секретарь рабочей группы, научный сотрудник Института социологии.

Это уже тринадцатая конференция рабочей группы, созданной в 2004 г. профессором Университета Эдинбурга Эмили Лайл. Общие тематика и проблематика группы оказались настолько актуальными и востребованными, что в течение двенадцати лет научные встречи проводились ежегодно с обязательной публикацией сборника докладов в серии

Ирина Александровна Седакова
Институт славяноведения РАН,
Москва, Россия
irina.a.sedakova@gmail.com

Александр Александрович Новик
Музей антропологии
и этнографии им. Петра
Великого (Кунсткамера) РАН /
Санкт-Петербургский
государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
njual@mail.ru

Александра Сергеевна Дугушина
Музей антропологии и
этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
dugushina@kunstkamera.ru

“The Yearbook. The Ritual Year”. Однако с 2017 г. группе пришлось перейти на другой формат встреч — один раз в два года, и произошло это под давлением секретариата Международного общества этнологии и фольклора, который стал чаще созывать свои форумы и запретил рабочим группам в год проведения конгресса собирать тематические конференции. Надо сказать, что такое бюрократическое «управление наукой» сверху не понравилось членам группы, однако оспаривать решение никто не стал.

Все конференции группы «Ритуальный год» проводятся с прицелом на какой-либо праздник или обрядовый комплекс. Мероприятие в Бухаресте было приурочено ко дню святителя Нектария Эгинского, 9 ноября, и это очень важный момент для понимания деятельности группы и специфики ее научных изысканий и встреч (подробнее о святом, его культе и поклонничестве см. ниже). Ритуальный год тесным образом связан с церковным календарем и соответственно с культом святых и народной религиозностью. Соединению этих двух областей были посвящены две секции на IX конгрессе SIEF в 2008 г. в Дерри (Северная Ирландия), и тогда параллельное рассмотрение двух тем оказалось очень продуктивным. Хотя на каждой научной встрече обязательно обсуждаются праздники, хрононимы которых коррелируют с именами святых, религиозные процессии и пр., специальных конференций группы по такой проблематике организовано не было.

Напомним также, что в 2013 г. в Вильнюсе (Литва) прошла конференция «Городские праздники», в которой принимали участие многие члены группы «Ритуальный год»¹. Ученые отмечали тогда перспективность дальнейших исследований этой темы, непроработанность многих аспектов праздничной урбанистики на фоне быстрого развития городских мероприятий, которые соединяют в себе традиционные и новые тенденции, а также элементы религиозности и массовой культуры. Стремление горожан к развлечениям, креативные подходы к разработке сценариев, множество новых профессий, заменивших «массовика-затейника» (ивент-менеджеры и др.), возможности СМИ и социальных сетей в популяризации ритуалов и обычаев значительно изменили календарный праздничный год. В последние годы в России и других странах заметнее зазвучали патриотические ноты, что было не так явно и не обсуждалось в 2013 г. в Вильнюсе, когда больше внимания уделялось деидеологизации праздников в постсоциалистическом пространстве.

В повестку дня бухарестской конференции «Городские ритуалы» 2018 г. вошло много тем: народно-религиозные сюжеты,

---

¹ См. хронику этой конференции: [Седакова 2014] и сборник материалов: [Mardosa 2013].

урбанизация некогда деревенских ритуалов, структура собственно городских праздников, процессов, карнавалов и обрядов (в том числе и семейных), ландшафт и использование площадей города, реклама и СМИ и др.

В конференции приняли участие 67 исследователей (лингвисты, этнологи, фольклористы, литературоведы, социологи, историки, искусствоведы) из 24 стран, преимущественно европейских, а также из США и Филиппин. Это одна из самых представительных конференций за все время существования рабочей группы, и ее программа оказалась весьма насыщенной — заседания велись в трех параллельных секциях. Поскольку выслушать все доклады и даже упомянуть их в этой публикации невозможно, остановимся на научном обсуждении центральных проблем, затронутых на конференции, а также на некоторых неожиданных поворотах заявленных тем.

Конференцию открыла **Ирина Сталь** (Бухарест, Румыния), она обозначила основную проблематику и немного рассказала о важных румынских датах, отмечавшихся в 2018 г. Среди них 100-летие «Великого объединения» — присоединения Трансильвании и Буковины к Румынии, которое, в частности, сыграло существенную роль и в трансформации ритуального года в стране.

Затем в пленарной сессии выступила **Ирина Седакова** (Москва, Россия) с докладом «Празднование именин в России и Болгарии: значение, формы, ценности». Это один из сопоставительных докладов, продемонстрировавший глубинные различия праздника у близких православных народов — русских и болгар. Болгарские ритуалы носят преимущественно светский характер, нередко без связи с почитанием святого-покровителя и без выполнения церковных обрядов. Имя «отмечается» независимо от того, крещен человек или нет (и даже христианин он или мусульманин), ценно само *имя*: не случайно поздравительные формулы сводятся к пожеланиям «носить имя с гордостью», «чтобы имя прославилось», «чтобы об имени слышали только хорошее». Болгарские имена в целом — открытая система, при крещении нет ограничений выбора, любое трансформированное, мусульманское или даже придуманное имя может стать крестильным. И. Седакова описала стратегии выбора дня празднования именин у болгар (по первой букве или по семантике имени), что совершенно неприемлемо у русских. Доклад вызвал многочисленные комментарии болгар, румын, итальянцев о совпадениях в некоторых практиках, не известных русским, например, именины могут отмечаться в двенадцатые праздники (Мария празднует свое имя на Успение). Восприятие обычного для носителей традиции факта извне открывает иную перспективу, что необходимо учитывать. Это тривиальное

положение недавно обсуждали А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский в начале своего доклада «Мужское и женское в практиках имянаречения в допетровской Руси»¹.

Академик Румынской академии, директор Института этнографии и фольклора **Сабина Испас** (Бухарест, Румыния) посвятила пленарный доклад теме трансформации и развития городских религиозных шествий, которые в последний год приобрели в стране особенно массовый характер. В докладе «Процессии и религиозные праздники в городе: новые тенденции и термины» она проанализировала процессию в день Торжества православия (первое воскресенье Великого поста) и отметила, что многие приходские, камерные праздники становятся в городах широко-масштабными, организованными мероприятиями. К традиционным формам и религиозному содержанию добавляются элементы государственные (цвета флага или сами флаги на иконах и в руках участников процессии), этнические (народный костюм), вокруг церковного реквизита зарождаются и укрепляются новые ритуалы. Этот доклад заложил основу для последующих дискуссий об архаичных и измененных традициях (в частности, церковно- и народно-поминальных). Кроме того, С. Испас подняла тему задействованности чувств в религиозных процессиях (особенно зрения, слуха, обоняния, прикосновения), которая потом звучала в выступлениях других участников, например в докладе **Меглены Златковой** (Пловдив, Болгария) «Сенсорные маркеры публичного городского пространства в праздновании в городах Болгарии».

Лоран Фурнье (Марсель, Франция) продолжил пленарное заседание докладом «Городские ритуалы в перспективе Long Durée: устойчивость и изменения» с особым акцентом на теоретические установки исторической антропологии. В свете историографической теории Ф. Броделя² о трех уровнях времени, которые он именуется длительным (long durée), средним и кратким, Л. Фурнье сопоставил сельские и городские праздники с обозначением «своего» и «чужого». Как кажется, современная антропология более занята коротким, а иногда и совсем «сиюминутным» периодом, отчасти в связи с тем, что время становится более насыщенным как событийно, так и информативно. И хотя исследование ритуалов в «микровремя» высоко ценилось еще В.Н. Топоровым (применительно к изучению записок на могиле св. Ксении Петербургской), все же «продолжительный период» имеет особую теоретическую

¹ Видеозапись лекции доступна на сайте Института славяноведения РАН: <https://inslav.ru/event/videozapis-doklada-f-litvinoy-i-f-b-uspenskogo-muzhskoe-i-zhenskoe-v-praktikah-imyannarecheniya?fbclid=IwAR1-qTkXZ5e6YYRJVf02uBzcEAPQCyVBanfBbIzf-I4_xc1G1mbcslmUZVE>.

² См.: [Braudel 1958; Бродель 1986; Braudel, Colin 1987].

значимость, он позволяет увидеть в динамике взаимодействие многих культур и языков, разных сфер городской и сельской жизни, общего и частного. В дискуссии обсуждались возможности применения трех этапов к современному анализу праздников (см. также ниже о разнице в антропологической методологии в разных странах).

Затем выступления продолжились в секциях. Секция «Семейные городские праздники» началась с доклада **Аквиле Мотузайте** (Турку, Финляндия) «Стратегии в выборе формата празднования в смешанных семьях: взгляд иностранки». Изучая смешанные финско-литовские и греческо-литовские браки с женской точки зрения (чаще всего в смешанном браке литовского происхождения бывает жена, а не муж), исследовательница описывает три варианта отношения к родным традиционным праздникам. В эмиграции женщина соблюдает традиции своей страны, адаптирует их к местным («интеграция») или вообще о них забывает («космополитизм»). Решение о крещении ребенка нередко откладывается до того времени, когда он вырастет и будет готов к выбору конфессии сам. В дискуссии обсуждалась тема ритуальной пищи, которая относится к женской сфере и при этом является наиболее консервативной. По мнению докладчицы, стратегии в приготовлении сакральной пищи такие же: на чужой территории готовят или только блюда своей страны, или блюда двух национальных кухонь либо полностью переключаются на кухню новой страны.

Тема смешанных браков и миграции была продолжена **Адиной Хулубаш** (Яш, Румыния) в докладе «Родильные обряды Молдовы в ином контексте: мигранты и их культура поведения». По ее мнению, вдали от родного окружения патриархальные представления, поверья и ритуалы становятся более актуальными и востребованными. Особенно тщательно они закрепляются в практике вынашивания и рождения ребенка, связанной с опасностью и неизвестностью окружения. Хулубаш удалось записать уникальные традиционные обрядовые действия, которые соблюдают румынки в Италии. Например, до сих пор обязательно совершается одаривание акушерки мылом и полотенцем: полагают, что если этого не сделать, кожа ребенка будет нечистой. В ванночку для купания младенца крестная добавляет молоко, мед, яйцо и базилик; после крестин «оповещают дом» о новом жильце-христианине, оставляя свечу на пороге; выпекают родильный праздничный хлеб и разрезают его нитью, а не ножом; и др. Исходя из собственного опыта посещения родных, проживающих на Западе, и общения с ними, исследовательница отметила интересную тенденцию усиления национальных, этнических моментов при встрече гостей с родины.

Татьяна Миннихметова (Инсбрук, Австрия) в докладе «Ритуальный календарь детей: ритуал как новый антропологический конструкт в нетрадиционных условиях» проанализировала праздники в смешанных группах детей из мигрантских семей в австрийских детских садах. Эта тема важна для многих стран, которые сталкиваются с колоссальными потоками людей — представителей различных культур и конфессий. По наблюдениям исследовательницы — штатного антрополога в детских садах при городском совете Инсбрука, календарные праздники практически лишены национального колорита. Их форма и содержание во многом зависят от воспитателя, заранее готовящего сценарий и репетирующего выступление с группой. Самыми эмоциональными праздниками исследовательница считает День отца и День матери, которые носят глобализованный характер. Параллельно с общим календарем фигурирует и личный календарь детей, однако и в празднование дней рождения редко включаются национальные элементы. В дискуссии своими наблюдениями поделились ученые из разных стран. Так, в Швеции распространена концепция мультикультурализма, предписывающая знакомство с самыми разными традициями, которые включаются воспитателями в детских садах в праздничные программы¹. Напомним, что проблемам ритуального года в миграции была посвящена восьмая конференция группы «Ритуальный год», прошедшая в 2012 г. в Пловдиве (см. сборник материалов: [Gergova, Parusheva 2014]). Уже тогда звучала тема неодинаковой сохранности родной традиции в своей и чужой стране и высказывалось мнение, что необходимы дополнительный сбор материалов и их анализ именно в сопоставительном плане.

На секции «Основы для создания праздников» прозвучал доклад **Жилвитиса Шакниса** (Вильнюс, Литва) «Создание национального праздника в Литве: аспект сезонности». Тема реструктуризации календаря в исторической перспективе была центральной на конференции группы в 2007 г. (см. сборник: [Sedakova 2008]) и затем постоянно обсуждалась на всех научных встречах группы. Праздничный календарь любого этноса или этнолокальной / этноконфессиональной группы является именно ритуальным годом в виду сменяемости сезонов, временных переходов, изменения состояний, которые маркируются различными обрядовыми действиями и практиками, уже давно и прочно вошедшими в традицию либо входящими в культурный код на наших глазах. Сохранившиеся архаические

---

¹ Мультикультурализм и разнообразие традиций обсуждались на второй конференции группы «Ритуальный год», см. хронику конференции: [Седакова 2007] и сборник материалов: [Ritual Year Studies 2 2007].

праздники при максимальной фокусировке на их прагматической составляющей свидетельствуют о том, что они изначально служили рубежом для подведения итогов конкретного периода либо началом отсчета нового сезона с характерным набором хозяйственных занятий, повседневных дел и форм проведения досуга. В выступлении Ж. Шакниса была рассмотрена система праздников в современной Литве и представлена попытка конструирования нового ритуального года. В обсуждении доклада на секции и затем в кулуарах коллеги из Латвии, России и Болгарии высказывали идею, что основные советские праздники (вернее, принятые в бывшем СССР), а именно 7 ноября, Новый год, 8 марта, Первомай, были утверждены и получили общенародное признание, потому что условно делили календарный год на удобные сегменты — периоды, которые характеризовались набором своих маркеров деятельности, досуга и пр. В современной Литовской республике, получившей независимость в 1990 г., неоднократно предпринимались попытки создать собственный праздничный, ритуальный календарь, который кардинальным образом (включая сезонность) отличался бы от принятого в советский период. Однако многие понимают, что население уже привыкло к сложившейся схеме праздников, ее цикличности, а потому все новые праздники хронологически тяготеют к столь не любимой многими в Литве советской системе. Значение новых праздничных дат может быть любым (от принятия конституции до чествования матерей), однако дни праздников должны приблизительно выпадать на те даты, к которым как к выходным дням привыкло население. Властям любой страны на постсоветском пространстве трудно угодить всем гражданам при попытке сохранить принцип временной приуроченности и сделать так, чтобы национальный праздник не напоминал о советском красном дне календаря.

Участники дискуссии подтверждали на примере своих материалов, что система праздников обычно очень устойчива, и высказывали предположение, что литовцам придется смириться с существованием сезонности всех памятных дат. Отдельно упомянули о том, что в Литве есть прекрасная традиция отмечать летнее солнцестояние, и этот день мог бы стать ключевым в ритуальном годе. На всем постсоветском пространстве люди сталкиваются с проблемой введения новых праздников либо с попытками ревитализации бытовавших прежде праздников. Выбор не всегда соответствует чаяниям людей и обычно не устраивает самих инициаторов нововведения. К единому мнению, как поступать, участники конференции так и не пришли. Эта тема останется актуальной и, скорее всего, будет обсуждаться и на следующих конференциях и конгрессах.

Раса Паукштите-Шакнене (Вильнюс, Литва) в докладе «Проблемы семейных праздников в советской Литве» исходила из общего положения, что в годы «советской оккупации» власти активно меняли ритуальный календарь, запрещая религиозные праздники и насаждая свои, героико-идеологические. Закономерным явлением стало выведение праздников из семейной атмосферы в публичную, общественную, где осуществлять контроль было значительно легче. Попытки учредить в Литве День семьи как празднование «ячейки советского общества» оказались неудачными, и в качестве семейных торжеств закрепились Новый год, именины, дни рождения.

Секцию «Неоязычество в контексте ритуального года» открыл доклад **Дали Сенвайтите** (Каунас, Литва) «Праздники неоязычников-родноверов в Литве». Она привела краткую характеристику литовских языческих групп, кстати, известных тем, что они существуют многие десятилетия и набирают все больше последователей. Однако, как показала исследовательница, в рядах язычников очень часты конфликты по вопросам, связанным с ритуалами и праздниками, и агрессивный стиль общения характерен для них в той же степени, что и в целом в современных публичных дискуссиях.

Ана Стефанова (Варна, Болгария) в докладе «Танцы на углях близ города Варна, Болгария» обратилась к коренной трансформации архаического обряда «нестинарство», известного у болгар и греков в нескольких селах и обычно приуроченного ко дню св. Константина и Елены. В последнее десятилетие этот ритуал в Болгарии утрачивает свою сакральную составляющую и превращается в коммерческо-развлекательное событие. В последние годы танцы на огне исполняются без привязки к определенной календарной дате и территории, кроме того, они радикально изменили контекст и содержание ритуального комплекса. Так, хождению по углям не предшествуют омовение икон, служба и процессия со святынями к месту костра, эти танцы сопровождают праздничный ужин в ресторане или баре или исполняются на концертной сцене. Особый случай, который представила в своем докладе А. Стефанова, — ритуальное хождение по углям в нехарактерном для этого обряда местечке близ Варны, инициированное «духовным лидером» небольшой группы язычников. Роль личности в поддержании, восстановлении и изобретении традиций обсуждается на каждой конференции группы «Ритуальный год», что демонстрирует значимость этой проблемы.

Близкую тему в докладе «Целители в городах современной Латвии» затронул **Айгарс Лиелбардис** (Рига, Латвия), который отметил бурное развитие знахарства и колдовства в латышских

городах. В наши дни в Риге насчитывается 230 таких «профессионалов», имена которых обычно или связаны с латышской традиционной культурой, или носят восточный, эзотерический характер. Исследователь связал этот процесс с интересом латышей к заговорам, которые были широко распространены в стране и записывались фольклористами в большом количестве в XX в. В дискуссии проводилась граница между традиционными и современными целителями, поскольку последние нарушают многие правила «сокровенного знания» (афишируют и рекламируют свои умения, берут деньги за лечение и пр.). Также были отмечены очевидные параллели с современными русскими знахарями, колдунами и эзотериками: обращение за помощью к традиционному, известному или, наоборот, к новому, неведанному, «чужому».

В секции «Политика, религия и ритуалы» особенно содержательными оказались два выступления. **Лиана Гергова** (София, Болгария) в докладе «День св. Георгия как праздник города в Болгарии» рассказала о результатах своего исследования культа святого как патрона нескольких городов (Русе, Мездры и Петрича). Праздник св. Георгия отмечается в Болгарии не по григорианскому календарю (23 апреля), принятому государством и церковью, а по юлианскому (6 мая). Этому есть немало объяснений, одно из них связано с обрядностью этого дня, которая включает *курбан* — приготовление жертвенного ягненка и совместную трапезу. Таким образом, этот день всегда скоромный, поэтому его выносят за пределы Великого поста, учитывая, что самая поздняя Пасха выпадает на 6 мая. Традиционная праздничность дня св. Георгия концентрируется вокруг аграрных и животноводческих ритуалов, которые не были перенесены в городские фестивали. Докладчица показала, что современный праздничный комплекс поливалентен, в нем расставлены совсем иные акценты, чем в традиционном: в качестве городского он фокусируется на гражданской теме, поскольку официальное название праздника — «День храбрости и болгарской армии».

Йонас Мардоса (Вильнюс, Литва) в докладе «Богоявление в постсоветском Вильнюсе» отметил исключительно поступательное развитие этого религиозного праздника, сравнив его особенности до и после социалистического периода. Характерные карнавалы в этот день постепенно утратили значительный польский элемент, присутствовавший в начале XX в. Теперь этот праздник акцентирует «литовскость», национальную идентификацию. Поскольку в Литве есть и православные верующие, чаще всего русские, слушатели спрашивали, наблюдается ли возвращение и распространение ритуального омовения в крещенской купели. По мнению Мардосы, такой процесс для Литвы также характерен.

Христианство: народное, каноническое.

Культы: локальные, глобальные

Актуальные вопросы, связанные с религией в ее канонической и народной формах, неотрывных от городской культуры, обсуждались в рамках секции «Народное православие и ритуальный год» и частично на других секциях. В докладах исследователи представили материалы по балканским этническим культурам, в частности греков и болгар. Такой фокус внимания к балканской урбанистике не случаен, поскольку именно на Балканах в последние десятилетия протекают разнообразные процессы трансформации религиозного ландшафта, ревитализации религии и возврата к традиционализму, появления новых и возрождения старых мест культа [Trojeva, Hristov 2017].

В докладах **Вихры Баевой** (София, Болгария) «Локальные культы в городе: своеобразные святые места, реликвии и ритуалы в болгарской столице» и **Екатерины Анастасовой** (София, Болгария) «“Молитва Киприану” в Соборе св. Недели в Софии» обсуждались локальные культы в самом центре болгарской столицы. Народное православие на Балканах с характерной для него верой в магическое, сверхъестественное и чудесное находит формы воплощения и в городской аудитории. Е. Анастасова на примере церковной службы в храме св. Недели в Софии, в процессе которой читается молитва священномученику Киприану, продемонстрировала, что и городской человек испытывает потребность в защите от нечистой силы не только через каноническое богослужение, но и через магические манипуляции. Эта молитва считается одной из самых действенных для избавления от сглаза, порчи и колдовства.

В. Баева на примере старых и новых культов в нескольких религиозных локациях Софии (в церкви св. Петки Самарджийской, храме св. Недели и русской церкви святителя Николая Чудотворца) показала, что народные формы почитания святых динамичны и, как в случае культа архиепископа Серафима Соболева, канонизированного РПЦ совсем недавно, в 2016 г. (болгарская старостильная церковь сделала это в 2002 г.), конструируются в режиме «здесь и сейчас», словно подстраиваясь под духовные нужды верующих. Например, еще до канонизации верующие и даже атеисты оставляли многочисленные записки с молитвами и просьбами к Серафиму¹, и в крипте, где находятся мощи святого, отведено специальное место со столами и принадлежностями для письма.

Кстати, записки с просьбами, обращенными к святым, очень популярны в Румынии: они именуются акафистами и использу-

---

¹ И.А. Седакова наблюдала эту практику еще в 1970-е гг.

ются в церквях, где для них стоит специальный ящик. Подобная практика распространена и на могилах на католических кладбищах румынских городов, о чем был прочитан совместный доклад **Флоренцы Попеску-Симеон** и **Михаэлы Нуберт-Чецан** (Бухарест, Румыния). При посещении церквей в Румынии участники конференции отметили, что записки, подаваемые о здравии и упокоении, нередко сочетаются с конкретными просьбами. В монастыре Раду-Водэ (подробнее см. ниже) сопровождавший экскурсантов монах Андрей на вопрос, что делают с записками, которые в великом множестве оставляют посетители у раки св. Нектария, ответил, что монахи внимательно их читают, и если упоминается тяжелая болезнь, даже без указания имени страждущего, усиленно молятся о его здравии.

Ксения Климова (Москва, Россия) в докладе «Народное православие в современной греческой городской культуре: случай “фануропиты”» отметила очень важный сейчас аспект фольклоризации церковных обрядов через использование интернета и социальных медиа¹. Исследовательница представила материалы, относящиеся к празднованию дня св. Фанурия на территории островной и материковой Греции. Стремительное распространение через интернет локально известного ритуала обеспечило вхождение сельской традиции в городской код. Ценным представляется наблюдение, что городская культура оказывается чувствительной к наиболее ярким атрибутам ритуала и заимствует их в первую очередь.

Проблематика конфронтации новых и старых традиций, европеизации городского календаря отразилась в обсуждении городских праздников в России и странах постсоветского пространства. Тема постсоветской трансформации семейных и городских праздников, а в отдельных случаях даже борьбы с советскими стандартами, в последние годы все чаще звучит в докладах коллег-фольклористов и антропологов из стран Балтии [Седакова 2014: 358]. Не стала исключением и конференция в Бухаресте, на которой были представлены исследования культурных и социальных процессов в урбанистических центрах Латвии, Литвы и Эстонии. Добавим к упомянутым докладам Ж. Шакниса, Й. Мардосы и Р. Паукштите-Шакниене презентацию **Даце Булы** (Рига, Латвия) «Гендеризованные города: проживание международного женского дня в балтийском городском пространстве», посвященную перцепции празднования 8 марта в прибалтийских столицах — Риге, Вильнюсе и Таллине. Исследовательница полагает, что тенденция отмечать Международный женский день с его обрушивающимся

¹ О проблемах фольклора в киберпространстве существует обширная литература, см., например, сборник “Folklore and the Internet: Vernacular Expression in a Digital World” [Blank 2009].

на женщин праздничным инвентарем (в виде поздравительных билбордов, тюльпанов в городском транспорте, конфет в салонах красоты и т.п.) характерна для стран бывшего социалистического лагеря. Сегодня, по мнению Д. Булы, празднование «женского дня» на фоне мультивизуального и многоголосного праздничного городского контента является пережитком советской традиции и настоящим испытанием для женщин, социальное самоощущение которых далеко отстоит от идеи акцентирования женского присутствия в обществе.

В то время как в странах Балтии постепенно воплощаются стратегии расставания с «советским наследием», в современной России наблюдаются аналогичные стратегии борьбы с возрастающей европеизацией праздничного календаря. **Виктория Легких** (Вена, Австрия) представила в своем докладе случай намеренного замещения «западного» Дня всех влюбленных — дня Святого Валентина, «русским» праздником — Днем св. князя Петра и его жены Февронии, покровительствующих семье и браку в православной традиции. Первое празднование Дня семьи, любви и верности состоялось 8 июля 2008 г. в городе Муроме и с тех пор благодаря усилиям городских властей, церкви, политических и общественных деятелей поддерживается в ряде городов России различными публичными мероприятиями — концертами, ярмарками, народными гуляньями и фейерверком. Атрибутика праздника, как отмечает В. Легких, также ориентирована на замещение европейских аналогов: символом праздника является цветок ромашка, в день праздника принято дарить «февроньки» — открытки с изображением ромашек и символов семьи.

Выступления исландца **Терри Ганнелла** (Рейкьявик, Исландия), активного участника группы «Ритуальный год» с самого ее основания, ожидали многие. Прекрасный знаток и традиционных, и современных обрядов, он отличается умением выбрать наиболее интересные и проблемные темы для своих сообщений¹. Доклад «Ритуализируя Рейкьявик: изменения в Исландии 2000–2018 гг.» был посвящен праздничной и карнавальской динамике исландской столицы. Традиционно исландский календарь делился на две части — летнюю и зимнюю, которые противопоставлялись как время общественного (летнего) и семейного (зимнего) празднования. В XXI в. это соотношение значительно изменилось в пользу городских публичных праздников и культурных событий — Ночь музеев, День культуры, гей-парад. Последнему в докладе было уделено достаточно внимания, а после выступления большая часть вопросов касалась этой темы. Подготовка к параду заняла немало времени, о ней писали СМИ до,

---

¹ На русском языке см.: [Ганнелл 2016].

во время и еще долго после завершения мероприятия. Сам мини-парад стал совершенной инновацией в системе ритуального года в Исландии (а не только ее столицы), в некотором смысле переворачивающей систему традиционных ценностей исландского общества, которое гордится тем, что сохраняет ряд практик и реалий на протяжении как минимум тысячи лет. Можно вспомнить и уникальную способность почти каждого исландца перечислить своих предков не до десятого поколения, а до начала зарождения страны, и исключительный языковой пуризм, практически не допускающий проникновения неологизмов в современную речь, и многое другое. А здесь — гей-парад и борьба за права ЛГБТ-сообщества с требованием узаконить однополые браки, разрешить усыновление детей такими семьями и пр. В дискуссии Ганнелл уточнил, что эта тема не столь существенна для небольшой по численности населения Исландии и что парад — скорее дань европейским веяниям.

Специальное пленарное выступление **Эви Холанд** (Берген, Норвегия), посвященное празднованию дня св. Нектария в монастыре его имени на греческом острове Эгина, собрало всех участников конференции (см.: [Håland 2014]). Этот доклад стал своеобразной подготовкой к запланированному на следующий день паломничеству в монастырь Раду-Водэ. Св. Нектарий Эгинский был прославлен в лике святителей в 1961 г. и в последние годы стал одним из самых почитаемых святых в Греции. Его культ стремительно распространился в ряде соседних балканских стран — Болгарии, Македонии и особенно в Румынии (см.: [Stahl 2014]). Традиция устраивать массовое паломничество в монастырь Раду-Водэ (рум. *Radu Vodă*, основан в 1568 г.) в Бухаресте к мощам святых, включая св. Нектария и других сподвижников церкви (к примеру, здесь погребен патриарх Константинопольский Дионисий IV), родилась относительно недавно, с падением авторитарного режима Чаушеску и началом демократических преобразований в стране.

На второй день форума у участников конференции была возможность принять участие в паломническом шествии к мощам св. Нектария, что было предусмотрено программой. Организаторы смогли договориться с руководством подворья Раду-Водэ о визите международной делегации. Утром центральный квартал Бухареста, где расположен монастырь, был буквально парализован — его улицы заполнили паломники. Далеко за оградой религиозного комплекса начиналась очередь из верующих, желавших приложиться к мощам святого. Шанса выстоять очередь в довольно прохладное ноябрьское утро у участников конференции практически не было. Поэтому «академическо-церковный блат» (предварительная договоренность) был как нельзя кстати. У входа в обитель многочисленную (полсотни человек) делега-

цию участников конференции встретил монах Андрей (грек из Греции) и в обход невероятной очереди провел к раке с мощами святого. По свидетельству И. Сталь, которая проводила многократные интервью с монахами и священниками о культе св. Нектария в Румынии, брат Андрей держался с исследователями-иностранцами совершенно иначе, чем ее информанты, и был открыт любым вопросам. Интересное преломление оппозиций *своей* — *чужой* постоянно обсуждалось участниками конференции, которые изучают другие традиции. Взгляд «извне», интервью иностранцев с носителями культуры дают иную перспективу и высвечивают многие важные аспекты для сопоставительного анализа. Монах поделился своим духовным опытом. Обычно он служит заутреню у раки св. Нектария. Однажды раку надо было открыть, и он почувствовал невероятный аромат. На наш вопрос, с чем же можно сравнить этот запах, он задумался и потом ответил: «Со свежим воздухом».

Ритуальное почитание св. Нектария отчасти напоминает культ св. Матроны Московской — обоим святым несут цветы, и после того как приложатся к раке, уносят засохшие или слегка увядшие цветы, которые потом используют «для сна», «от головной боли» и т.п.

Деформации тела (и духа), дискуссии и фейкнаука

Одной из неожиданных тем, затронутых в работе конференции в Бухаресте, стала проблематика тела и телесности. Для российской антропологии исследование человеческого тела в различных биологических, социальных, философских, технологических и других ипостасях является крайне актуальным и «живым» научным ресурсом, в первую очередь в свете недавно опубликованных дискуссий и статей на страницах «Антропологического форума» [Форум 2018], новейших изданий (см., например: [Соколовский 2018]) и современных образовательных онлайн-платформ, нацеленных на изучение тела во взаимосвязи с технологиями и интернетом (например, школа интернет-исследований <http://clubforinternet.net/school_18> и ее лаборатория «Тело и технологии»).

Следует отметить, что в числе изначально предлагавшихся тем докладов проблематика телесного не фигурировала. «Тела» не было и в фокусе исследований докладчиков, однако после обсуждения нескольких докладов российских коллег и итальянской исследовательницы из Португалии стало очевидным, что телесные практики прочно связаны со структурой городских ритуалов и вплетены в религиозные, публичные, календарные и другие формы их репрезентации. Помимо физического тела как такового, исследователей в первую очередь интересовало

тело социальное — социальные и ритуальные репрезентации тела, телесные трансформации, манипуляции с телом и проживание некоторого опыта через тело.

Ярким примером подобных телесных практик являются хорошо известные по классическим работам А. ван Генепа, М. Мосса и И. Гофмана возрастные обряды перехода, в процессе которых человек через различные манипуляции с телом из объекта «природного» становится объектом социальным. Именно к такому ритуалу обратился **Александр Новик** (Санкт-Петербург, Россия) — обряду мужского обрезания, распространенному в среде городского и сельского населения Западных Балкан. В одноименном докладе А. Новик проанализировал значимость и вариативность обряда обрезания у представителей мусульманской общины в Албании, Косово, Боснии и Герцеговине, Черногории, Македонии, Болгарии и Турции. Наряду с важными сакральными и гигиеническими целями процедуры, исследователь отмечает вхождение обряда в современный культурный код города и села, считаваемый в границах публичных пространств по растущему числу коммерческих предложений для организации и празднования события [Novik 2010—2014]. Например, у албанцев-мусульман обряд мужского обрезания называется «маленькая свадьба» (алб. *dásma e vógël*), его празднование не уступает по масштабу организации церемонии бракосочетания, предполагающей большое число гостей, застолье, видео- и фотосъемку и другие атрибуты значимого праздника. Таким образом, религиозная практика, в которой человеческое тело обретает социальность через физиологическую трансформацию, занимает новое место в ряду современных городских и сельских традиций.

Тема экспериментов с телом прозвучала в докладе **Федерики Манфреди** (Лиссабон, Португалия) «Новые практики и древние корни. Популярность подвешивания тела в Европе в сравнительной перспективе». Практика представляет собой подвешивание тела на специальных металлических крюках, проходящих через кожу и мягкие ткани человека. Исследовательница отметила, что изначально подвешивание тела было традиционным обрядом перехода у некоторых племен Северной Америки, однако сегодня практика набирает популярность в Европе и США, интегрируя своих приверженцев в реальные и интернет-сообщества, в том числе благодаря спросу на маркетинговые предложения по покупке оборудования для подвешивания, фестивали, обучающие семинары и т.д. Ф. Манфреди задается вопросом, что движет людьми все больше обращаться к практикам «самоувечья», и приходит к выводу, что подвешивание тела является способом духовного познания через нетрадиционное испытание ресурсов своего тела. Хотелось бы добавить,

что подвешивание тела как практика в культуре современного общества (к слову, и российского тоже) встает в один ряд с другими задействующими тело популярными духовными методами, которые далеки от их первоначального смысла и «оригинала», но стали воплощением поиска «духовного» в среде городского населения. Например, так произошло с йогой, ставшей в массовом сознании просто гимнастикой и далеко отстоящей от индийской школы духовных, психических и физических практик.

Социальные аспекты телесного опыта были представлены в докладе **Александр Дугушиной** (Санкт-Петербург, Россия) «Женские городские ритуалы: случай города Улциня в Черногории» и совместном выступлении **Марии Васехи** (Москва, Россия) и **Елены Фурсовой** (Новосибирск, Россия) «Московские общественные бани: женские городские ритуалы». А. Дугушина рассказала о женском нудистском пляже в Черногории на границе с Албанией (черног. *Ženska plaža / Женска плажа*, алб. *Plazhi i femrave*), являющемся местом межконфессиональной и межэтнической интеграции женщин как в рамках региона Западных Балкан, так и в перспективе мирового туризма. Помимо коммерческих и досуговых целей пляж в первую очередь объединяет женщин, желающих забеременеть: он славится целительным источником, омовение в котором помогает избавиться от бесплодия. Сценарий исцеления предполагает пребывание на пляже и купание нагишом, совершение ритуала вокруг камня, символизирующего мужское начало, символическое совокупление с ним и другие ритуальные практики, связанные с телесным опытом и нацеленные на повышение фертильности и улучшение репродуктивного здоровья. Освобождение физического тела, нарочитая демонстрация наготы, особенно заметные из-за преобладания мусульманской женской аудитории, являются условиями формирования особой женской субкультуры как в рамках города, так и далеко за его пределами.

М. Васеха и Е. Фурсова продолжили тему городских женских субкультур на примере посещения московских общественных бань. Несмотря на то что сегодня почти в каждом доме российской столицы есть ванная и горячая вода, в общественных банях, популярных в советское время из-за гигиенической необходимости, сохраняются сложившиеся «банные» традиции и конструируются новые. Мотивы посетительниц бань в «женские дни» связаны с практиками физиологического высвобождения телесного и даже презумпцией женского тела: как следует из полевых материалов, баня — это «праздник души и тела». При этом «праздник» понимается женщинами как ритуал, который требует от участников специальных знаний, настроения, подготовки ритуальных предметов (веник, полотенца, шапочки, косметоло-

гические средства). Поскольку полевые исследования докладчиц были гендерно ограничены, включение в дискуссию коллег-мужчин, имеющих опыт посещения общественных бань в «мужские дни», расширило тему доклада и позволило заглянуть «по ту сторону» поля. Коллеги говорили о противоположных тенденциях в формировании и структуре мужских банных сообществ, распределении ролей участников в ритуализированных банных практиках. Возможно, это позволило докладчицам даже обрести новых информантов (или соавторов?) для дальнейшего исследования, что подтверждает расхожее у антропологов представление о том, что «поле всегда вокруг нас».

Вернемся к докладу Л. Фурнье «Городские ритуалы в перспективе Long Durée: устойчивость и изменения», который демонстрирует разные методики разработки темы и ее представления на публике. Исследователи из Франции, как правило, стараются излагать свои идеи и анализировать материал с обязательной отсылкой к конкретной научной теории. Для российских ученых доклад, в котором представлена история этнологической теории начиная с праотцов науки, кажется странным. Для сравнения, американские антропологи не углубляются в теоретические обсуждения идей, высказанных более пяти лет назад, это считается непрогрессивным [Bernard 1995; Guest 2018]. Однако для французских исследователей отсутствие упоминания основателей научных теорий и отсылок к разработкам их последователей — признак слабой методологии и отсутствие глубины научного анализа материала. На конференции разгорелась дискуссия, вызванная различными подходами в научных школах разных стран.

На секции «Ритуальный год в перспективе сравнения» прозвучал доклад **Леонида Цаинтиса** (Салоники, Греция) и **Милицы Йованович** (Белград, Сербия) «Городское праздничное поведение. Сходное и различное в двух урбанистических центрах». Он был посвящен формированию городских ритуальных традиций в двух важных центрах Балкан — Салониках и Белграде. Речь шла о широком спектре ритуальных практик — от проведения фестивалей до традиционной архитектуры. Не вызывает сомнения, что доклад был хорошо продуманным и профессиональным: исследователь из Белграда — дипломированный архитектор, ее соавтор — сотрудник агентства по развитию туризма (поддерживающего сохранение культурного наследия) из Салоник, к слову, каракачан, много делающий для сохранения языка и самобытной культуры своего народа, не из книг знающий, что такое этнография. Попытка рассказать о сложении городских традиций в сфере ритуальной жизни, о роли традиционных сельских праздников в праздничной культуре, о народном жилище населения Салоник в Центральной Маке-

днии и Белграда в Сербии, о мероприятиях, требующих государственной и региональной поддержки, вызвала критику председателя секции Тобиаса Бооса и яростное негодование Лорана Фурнье, который буквально разгромил доклад, назвав его ненаучным, не базирующимся на конкретной антропологической теории, не имеющим методологической базы и в целом напрасно допущенным на конгресс. Думается, что авторам доклада такая резкая критика могла навредить, отбив желание заниматься наукой дальше (стоит помнить, что в каждом из нас хранится драгоценный сосуд самолюбия).

В действительности М. Йованович и Л. Цаинтис исследовали тему с точки зрения специалистов в области архитектуры и менеджмента туризма, т.е. не профессиональных ученых-этнологов, а специалистов в своих областях. Такие подходы к этнологическому исследованию также вызывают интерес, поскольку нередко ставят перед наукой небанальные вопросы и предлагают неизбитые решения. Разница подходов к одним и тем же проблемам у культурных и социальных антропологов и исследователей, обучавшихся другим специальностям и работающих в других сферах, заслуживает отдельного обсуждения. Это не провинциальная и не фейкнаука, а другая научная область — прагматическая, с альтернативными подходами, которой еще предстоит дать название.

В конференциях группы «Ритуальный год» традиционно участвуют учителя, турагенты, служащие городских и муниципальных советов, занимающиеся культурным наследием. Еще в первой конференции 2005 г. на Мальте (см. сборник материалов: [Mifsud-Chircop 2006]) принимали участие многие местные деятели культуры и учителя — люди, не относящие себя к науке. Доклады, посвященные, например, созданию и деятельности фольклорных ансамблей или организации фестивалей народной культуры, всегда включаются в программу конференций. В некоторых случаях граница между наукой и «не наукой» стерта, поскольку многие антропологические исследования сближаются с журналистикой, а в курсы культурной антропологии во многих европейских университетах входит обзор национальных туристических мест и брендов.

Некоторое время назад был поднят вопрос о провинциальной и туземной науке, и многие исследователи включились в его обсуждение (например, в «Антропологическом форуме» [Форум 2013]). Теперь стоит, по-видимому, поставить вопрос о науке профессиональной и любительской. Вторая — не краеведение (которое решает свои задачи) и не псевдонаука (которая опирается на ложные, парадоксальные теории и не принимает доказанных аргументов). Любительская наука — это те исследования,

которые профессионалы ведут в новой для себя области, в нашем случае в антропологии. Что могут принести такие изыскания? Должны ли мы их поддерживать, учитывая, что они способны открыть для нас новые стороны изучаемых тем? Или отвергнуть, поскольку они не используют привычные для нас методики и не опираются на признанные нами авторитеты? Эти вопросы активно обсуждались в кулуарах конференции.

Исключительно популярной темой дискуссий на конгрессе была эпоха правления в Румынии Николае Чаушеску. Ее касались в докладах румынские коллеги (открещивавшиеся от социалистических идей и резко критиковавшие диктатуру) и обсуждали в кулуарах почти все участники конференции. Режим, установленный после Второй мировой войны в Румынии, был одним из самых репрессивных и страшных в странах социалистического лагеря. С момента его крушения прошло уже почти тридцать лет (социализм в стране строили немногим больше — сорок пять лет). Тем не менее эту эпоху подают в Румынии как родовую травму: почти в каждом научном выступлении на конгрессе, на экспозиции в каждом посещаемом музее, на любой экскурсии неуклонно говорят о преступлениях коммунистов. Попыткой примириться с прошлым страны стал анекдот об эпохе Чаушеску, рассказанный гидом средних лет, который показывал участникам конгресса румынскую столицу, Национальный музей села и Музей румынского крестьянства: «В магазинах не было продуктов и товаров, зато все было у всех в холодильниках и шкафах. Нельзя было ничего купить, зато можно было достать. Работа была у всех, но на работе никто не работал. А теперь сравните с нынешней ситуацией».

Наука, культура и планы рабочей группы «Ритуальный год»

Несколько слов о научно-культурной программе конференции, которая была не менее насыщенной, чем научная. Кроме упомянутого посещения монастыря Раду-Водэ, участники конференции побывали в прекрасном Национальном музее села (румынском Скансене — этнографическом музее под открытым небом, в котором собраны традиционные дома, хозяйственные постройки и культовые сооружения из разных регионов страны) и Национальном музее румынского крестьянства, где хранится архив выдающегося румынского этнолога Михая Попа (1907–2000). Богатое научное наследие М. Попа изучается и популяризируется его дочерью, которая подробно рассказала экскурсантам, как идет работа и какие публикации уже осуществлены.

Профессионально организованный Архив Института этнографии и фольклора хранится в здании Румынской академии. Благодаря любезному предложению С. Испас группе исследо-

вателей (Н. Голант и А. Новику) провели экскурсию по фондохранилищу архива письменных документов, собрания аудиозаписей, фото- и видеоматериалов. В здании академии, построенном в годы социалистического «рывка» и сегодня уже устаревшем, обустроены превосходные помещения для архива с автоматически поддерживаемым микроклиматом и современной системой противопожарной безопасности. Обсуждая с коллегами этот архив, мы пришли к выводу, что в России нет такого качественного хранилища этнографических, фольклорных, музыкальных или иных первоисточников.

В программе было специально выделено время для демонстрации лент антропологического кино, которые любезно предоставили румынские и болгарские коллеги. Один из фильмов о процессиях в первое воскресенье Великого поста, на Торжество православия, снятый сотрудниками Института этнографии и фольклора Румынской академии, комментировала С. Испас. Отдельные фрагменты этой работы она продемонстрировала в день открытия конференции во время своего пленарного доклада. Отмечая работу оператора, снимавшего шествие к святыне из его гуши, С. Испас сказала: «Это не этнографическое кино, это не документальный фильм, это документ». В последние десятилетия антропологическое кино, стремительно завоевывающее популярность среди профессионалов (а нередко и непрофессионалов), часто воспринимается как искусство или по крайней мере как художественное ремесло. Так, на множасьихся фестивалях и кинопросмотрах представленные фильмы оценивают именно с художественной точки зрения — профессиональные жюри награждают за режиссуру, сценарии и пр. Однако антропологическое кино в первую очередь документ, который запечатлевает для последующих поколений реалии нынешнего дня, наших современников и мир, их окружающий и ими творимый. Кадры становятся условными страницами архива, на которые можно ссылаться не с меньшей степенью достоверности, чем на исторический акт или нотариально заверенный документ.

За пределами обзора остались некоторые темы, активно обсуждавшиеся на конференции. Это и городские поминальные практики и монументы, и экзотические ритуалы на Филиппинах и в Аргентине, и многое другое. Материалы конференции будут опубликованы в Румынии в очередном ежегоднике “The Ritual Year”. Работа группы «Ритуальный год» продолжилась в апреле 2019 г. на XIV конгрессе SIEF в секции “Tracking the Ritual Year on the Move in Different Cultural Settings and Systems of Values” (организаторы И. Седакова и Л. Фурнье). В 2020 г. в Риге состоится XIV конференция рабочей группы на тему «Устойчивость и коммерция» (организатор А. Лиелбардис, Институт латышского фольклора).

Библиография

- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / Пер. с фр. М.: Прогресс, 1986. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. 622 с.
- Ганнелл Т.* Повелительница горы (*Fjallkonan*) в исландской национальной традиции // Живая старина. 2016. № 4. С. 34–37.
- Седакова И.А.* Годовой цикл обрядов в их разнообразии // Живая старина. 2007. № 1. С. 60–61.
- Седакова И.* Городские праздники в эпоху перемен // Антропологический форум. 2014. № 21. С. 353–365.
- Соколовский С.М.* (отв. ред.). Технологии и телесность. М.: ИЭА РАН, 2018. 452 с.
- Форум: Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 11–236.
- Форум: Новые технологии и телесность как предмет антропологических исследований // Антропологический форум. 2018. № 38. С. 11–82.
- Bernard H.R.* Research Methods in Anthropology: Qualitative and Quantitative Approaches. 2nd ed. Walnut Creek; L.; New Delhi: AltaMira Press, 1995. 585 p.
- Blank T.J.* (ed.). Folklore and the Internet: Vernacular Expression in a Digital World. Logan, UT: Utah State University Press, 2009. 260 p.
- Braudel F.* Histoire et Sciences sociales: La longue durée // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 1958. Vol. 13. No. 4. P. 725–753.
- Braudel F., Colin A.* Histoire et Sciences Sociales: La longue durée // Réseaux. 1987. Vol. 5. No. 27. P. 7–37.
- Gergova L., Parusheva D.* (eds.). The Ritual Year 8: Migration: Proceedings of the 8th International Conference of the SIEF Working Group on The Ritual Year. Plovdiv, Bulgaria, 26–29 June 2012. Sofia: Paradigma, 2014. 484 p.
- Guest K.J.* Cultural Anthropology: A Reader for a Global Age. N.Y.; L.: W.W. Norton & Company, 2018. 448 p.
- Håland E.J.* Rituals of Death and Dying in Modern and Ancient Greece: Writing History from a Female Perspective. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2014. 672 p.
- Mardosa J.* (ed.). Šventės šiuolaikiniame mieste = Festivals in the Modern City. Vilnius: Edukologija, 2013. 234 p.
- Mifsud-Chircop G.* (ed.). The Ritual Year 1: Proceedings of the 1st International Conference of the SIEF Working Group on The Ritual Year. Malta, 20–24 March 2005. San Gwan, Malta: Publishing Enterprises Group, 2006. 568 p.
- Novik A.* Albanians in Albania, Kosovo, F.Y.R.O.M., Montenegro, Serbia and Greece: Seeing the Neighbourhood of the Western Balkans // Revue de l'Association Internationale d'Etudes du Sud-Est Européen. 2010–2014. No. 40–44. P. 410–423.
- Ritual Year Studies 2: Proceedings of the 2nd Conference of the Ritual Year SIEF Group “The Ritual Year and Ritual Diversity”. Gothenburg, 4–9 June 2006. Gothenburg: Elanders, Vällingby, 2007. 377 p.

- Sedakova I.* (ed.). The Ritual Year and History (The Ritual Year 3): Proceedings of the 3rd International Conference of the SIEF Working Group on The Ritual Year. Stražnice, Czech Republic, 25–29 May 2007. Stražnice: Lidova kultura, 2008. 208 p.
- Stahl I.* “Saint Nektarios, the ‘Migrant’ Saint: From the Greek Aegina to the ‘Romanian Aegina’” // Gergova L., Parusheva D. (eds.). The Ritual Year 8: Migration: Proceedings of the 8th International Conference of the SIEF Working Group on The Ritual Year. Plovdiv, Bulgaria, 26–29 June 2012. Sofia: Paradigma, 2014. P. 327–352.
- Trojeva E., Hristov P.* Sacred Geography of the Post-Socialist Balkans: Transformations of Religious Landscape and Pilgrimage: An Introduction // Southeastern Europe = L’Europe du Sud-Est. 2017. Vol. 41. No. 1. P. 1–18.

Urban Festivity: Theory and Practice, Tradition and Creativity

Irina Sedakova

Institute for Slavic Studies, the Russian Academy of Sciences
32A Leninsky Av., Moscow, Russia
irina.a.sedakova@gmail.com

Alexander Novik

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
the Russian Academy of Sciences
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
St. Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
njual@mail.ru

Alexandra Dugushina

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
the Russian Academy of Sciences
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
dugushina@kunstkamera.ru

This review article reflects on the multidimensional scholarly issues surrounding city festivals on the basis of papers and discussions during the eponymous international conference organized by the SIEF Working Group “The Ritual Year” in Bucharest, Romania. The study of urban festivals reveals expected (the transformation of the ritual calendar, semiotics of the city landscape, opposition between secular

and religious festivities) and unexpected aspects (bodily and sensory issues). The discussions during international symposia disclose the national differences in the traditional anthropological methodology and approaches, and also shed light on quasi- and pseudo-scientific elements in traditional scholarly investigations.

The conference papers discussed the dynamic development of the festivals in the megapolises, cities and small towns, the wide variety of the scenarios, contents and loci of the events, as well as the major trends in the changes of the rituals in many European, US and Asian cities. During the last two decades, the participation of migrants in the cultural and traditional life in the new milieu, and the influence of the newcomers on the authentic customs, emerged as an important academic issue. The aspiration to express self-identification is combined with the wish to go along with the “globalized” calendar, deep interest in vivid visual effects, growing attention towards the senses and the body — all these topics have been touched upon in the papers and discussions. The increasing role of the link between the content and the form of the urban rituals with ideology, local branding and commerce turned out to be one of the major themes. That is why the next international conference of “The Ritual Year” group will be dedicated to the general topic of tradition and commerce, and will be held in Riga, Latvia in June, 2020 during the traditional folk market.

Keywords: urban and gender studies, festivals, folk religiosity, pseudoscience, calendric customs, body rituals.

References

- Bernard H. R., *Research Methods in Anthropology: Qualitative and Quantitative Approaches*, 2nd ed. Walnut Creek; London; New Delhi: AltaMira Press, 1995, 585 pp.
- Blank T. J. (ed.), *Folklore and the Internet: Vernacular Expression in a Digital World*. Logan, UT: Utah State University Press, 2009, 260 pp.
- Braudel F., ‘Histoire et Sciences sociales: La longue durée’, *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*, 1958, vol. 13, no. 4, pp. 725–753.
- Braudel F., *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe–XVIIIe siècle*. Paris: Armand Colin, 1979. Vol. 1: *Les structures du quotidien: le possible et l'impossible*, 544 pp.
- Braudel F., Colin A., ‘Histoire et Sciences Sociales: La longue durée’, *Re-seaux*, 1987, vol. 5, no. 27, pp. 7–37.
- ‘Forum: Provintsialnaya i tuzemnaya nauka’ [Forum: “Provincial” and “Indigenous” Scholarship in the Humanities and Social Sciences], *Antropologicheskij forum*, 2013, no. 19, pp. 11–236. (In Russian).
- ‘Forum: Novye tekhnologii i telesnost kak predmet antropologicheskikh issledovaniy’ [Forum: New Technologies and the Body], *Antropologicheskij forum*, 2018, no. 38, pp. 11–82. (In Russian).

- Gergova L., Parusheva D. (eds.), *The Ritual Year 8: Migration: Proceedings of the 8th International Conference of the SIEF Working Group on The Ritual Year*, Plovdiv, Bulgaria, 26–29 June 2012. Sofia: Paradigma, 2014, 484 pp.
- Guest K. J., *Cultural Anthropology: A Reader for a Global Age*. New York; London: W.W. Norton & Company, 2018, 448 pp.
- Gunnell T., ‘Povelitelnitsa gory (Fjallkonan) v islandskoy natsionalnoy traditsii’ [The Lady of the Mountain (Fjallkonan) in the Icelandic National Tradition], *Zhivaya starina*, 2016, no. 4, pp. 34–37. (In Russian).
- Håland E. J., *Rituals of Death and Dying in Modern and Ancient Greece: Writing History from a Female Perspective*. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2014, 672 pp.
- Mardosa J. (ed.), *Šventės šiuolaikiniame mieste = Festivals in the Modern City*. Vilnius: Edukologija, 2013, 234 pp.
- Mifsud-Chircop G. (ed.), *The Ritual Year 1: Proceedings of the 1st International Conference of the SIEF Working Group on The Ritual Year*, Malta, 20–24 March 2005. San Gwan, Malta: Publishing Enterprises Group, 2006, 568 pp.
- Novik A., ‘Albanians in Albania, Kosovo, F.Y.R.O.M., Montenegro, Serbia and Greece: Seeing the Neighbourhood of the Western Balkans’, *Revue de l’Association Internationale d’Etudes du Sud-Est Européen*, 2010–2014, no. 40–44, pp. 410–423.
- Ritual Year Studies 2: Proceedings of the 2nd Conference of the Ritual Year SIEF Group “The Ritual Year and Ritual Diversity”*, Gothenburg, 4–9 June 2006. Gothenburg: Elanders, Vällingby, 2007, 377 pp.
- Sedakova I. A., ‘Godovoy tsikl obyadov v ikh raznoobrazii’ [The Annual Cycle of Ceremonies in Their Diversity], *Zhivaya starina*, 2007, no. 1, pp. 60–61. (In Russian).
- Sedakova I. (ed.), *The Ritual Year and History (The Ritual Year 3): Proceedings of the 3rd International Conference of the SIEF Working Group on The Ritual Year*, Stražnice, Czech Republic, 25–29 May 2007. Stražnice: Lidova kultura, 2008, 208 pp.
- Sedakova I., ‘Gorodskie prazdniki v epokhu peremen’ [Urban Festivals in Changing Times], *Antropologicheskij forum*, 2014, no. 21, pp. 353–365. (In Russian).
- Sokolovsky S. (ed.), *Tekhnologii i telesnost [Technology and Body]*. Moscow: Institute of Anthropology and Ethnography RAS Press, 2018, 452 pp. (In Russian).
- Stahl I., ‘Saint Nektarios, the “Migrant” Saint: From the Greek Aegina to the “Romanian Aegina”’, Gergova L., Parusheva D. (eds.), *The Ritual Year 8: Migration: Proceedings of the 8th International Conference of the SIEF Working Group on The Ritual Year*, Plovdiv, Bulgaria, 26–29 June 2012. Sofia: Paradigma, 2014, pp. 327–352.
- Trojeva E., Hristov P., ‘Sacred Geography of the Post-Socialist Balkans: Transformations of Religious Landscape and Pilgrimage: An Introduction’, *Southeastern Europe = L’Europe du Sud-Est*, 2017, vol. 41, no. 1, pp. 1–18.